

62,502.

0

РАЗВИТІИ ИЗЯЩНАГО

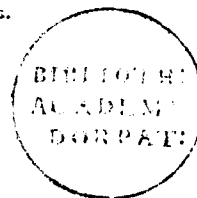
въ Искусствахъ и, особенно, въ Словесности.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

*писанное на степень Доктора Философскаго
факультета*

Михаиломъ Розбергомъ,

Исправляющимъ должность Ординарнаго Профессора Русскаго
языка и Русской Словесности въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Дерптскомъ Университетѣ.

ДЕРПТЪ.

Въ Типографіи Наслѣдниковъ Линдборга.

1838.

Его Высокопревосходительству,

Милостивѣйшему Государю,

Сергію Семеновичу Уварову,

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, Члену Государственнаго Совѣта, Сенатору, Президенту ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Орденовъ: Св. Александра Невскаго, Вѣлаго Орла, Св. равноапостольнаго Князя Владиміра 2-ой степени большаго Креста, Св. Анны 1-ой степени съ алмазными украшеніями и Св. Іоанна Іерусалимскаго Кавалеру —

Съ одобренія Философскаго факультета ИМПЕРАТОРСКАГО Дерптскаго Университета, печатать позволяется; по отпечатаніи, узаконенное число экземпляровъ должно быть представлено — куда слѣдуетъ.

Дерптъ, Ноября 30-го дня, 1838-го года.

Декань, Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ

Александръ Бунге.

съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и преданностію

посвящаетъ

Сочинитель.

I.

Die Wissenschaft der Kunst ist in unserer Zeit noch viel mehr Bedürfniß, als zu den Zeiten, in welchen die Kunst für sich als Kunst schon volle Befriedigung gewährte. Die Kunst ladet uns zur denkenden Betrachtung ein, und zwar nicht zu dem Zwecke Kunst wieder hervorzurufen, sondern was Kunst sey wissenschaftlich zu erkennen.

II.

Die Philosophie der Kunst bemüht sich nicht um Vorschriften für die Künstler, sondern sie hat auszumachen, was das Schöne überhaupt ist und wie es sich im Vorhandenen, in Kunstwerken gezeigt hat, ohne dergleichen Regeln geben zu wollen.

Hegel.

III.

Il y a dans les arts, comme dans la vie, une éternelle vérité et des formes passagères La vérité, c'est ce qui touche au fond du coeur de l'homme: le reste n'est qu'un vêtement qui change avec la saison, et suivant les caprices de l'usage. L'erreur de l'enthousiasme, c'est de se passionner pour quelques unes de ces formes changeantes et secondaires, et de les prendre pour la réalité même.

Villemain.

IV.

Поэтъ по лиръ вдохновенной
Рукой разсыпанной бряцалъ.
Онъ пѣлъ — а холодной и надменной
Кругомъ народъ непосвященной
Ему пасмѣшливо внималъ.

И толковала чернь скупая:
„Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бречитъ? чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуешь, мучишь,
Какъ своснравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна,
За то, какъ вѣтеръ, и бесплодна:
Какая польза намъ отъ ней?“

Поэтъ.

Молчи, взыскательный народъ,
Подешники, рабъ нужды, заботы!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкой.
Ты сынъ земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все — на вѣсѣ
Кумиръ ты цѣпишь Бельведерской.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ! . . . такъ что - же?
Печной горшокъ тебѣ дороже;
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвы,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Пушкинъ.

Предисловіе.

Многіе думаютъ, что Наука объ Изыщномъ, Эстетика, должна заключать въ себѣ наставленія для художниковъ и стихотворцевъ; что она есть уложеніе правилъ, подчиняясь которымъ, можно удобнѣе, лучше и легче изваять статую, написать картину, сочинить симфонію, оперу, поэму. Существуетъ другое мнѣніе о семъ предметѣ, кажется, болѣе справедливое, болѣе близкое къ истинѣ. Вотъ оно: природному дарованію, вдохновенію

учиться нельзя: это трудъ лишний и напрасный — ни одна пѣнтика не произвела еще поэта, ни одна риторика не образовала вѣтно; но можно знать — изъ какого источника и на основаніи какихъ началъ развиваются явленія **Изящныхъ Искусствъ**, какая между ними связь и какая цѣль ихъ. **Теорія Астрономіи** не учитъ двигать небесными тѣлами: она открываетъ только законы ихъ движеній; **Анатомія и Физіологія** не имѣютъ въ виду создавать организмы, а стараются лишь разгадывать ихъ устройство. Такъ относится и **Эстетика** къ **Искусствамъ Изящнымъ**. Не принимая на себя обязанности — руководствовать и совѣтовать, не порываясь къ мѣтѣ недостижимой, она стремится обнаружить въ ихъ мірѣ стихію разумную: порядокъ, цѣлость; опредѣлить ихъ значеніе, ихъ содержаніе и то средоточіе, къ коему они, не смотря на разнообразіе свое,

равно тяготеютъ. Подобный родъ изслѣдованія былъ и моимъ въ настоящемъ Разсужденіи.

Краткость времени не позволила мнѣ распространяться, входить въ подробности, иногда важныя: отъ того, мѣстами, я принужденъ былъ ограничивать одной страницей изложеніе мыслей, которыя бы могъ вполне, удовлетворительно высказать и подтвердить множествомъ примѣровъ на двадцати. Выборъ приличныхъ, коренныхъ **Русскихъ** словъ для выраженія понятій отвлеченныхъ представлялъ также свои затрудненія: богатый языкъ нашъ, способный передавать сильно и красиво все что умъ человѣческій въ состояніи обнимать, все что сердце человѣческое въ состояніи чувствовать, еще не успѣлъ сродниться тѣсно съ новымъ смысломъ этихъ словъ, а къ иностраннымъ мнѣ прибѣгать не хотѣлось.

Причины сія, вѣроятно, сдѣлали нѣсколько
неясными нныя выводы моего Разсужденія;
но я готовъ дать обстоятельный отчетъ въ
каждомъ.

I.

Изящное, выражая идеалъ вещей образами,
звуками, словами, живить собою разнovidную сферу
Искусствъ, которая составляетъ связь между Есте-
ствомъ и духомъ, между мірами: внутреннимъ и
внѣшнимъ. Значеніе его вполне зависитъ отъ сте-
пени, въ какой является соединеніе сихъ двухъ
противоположностей. Наука постоянно имѣла въ
виду такое отношеніе: не зиждутся ли-всѣ Эсте-
тическія теоріи минувшаго столѣтія на мысли,
что Изящное Искусство должно подражать При-
родѣ? Всѣ безъ исключенія. Но какую пользу
можетъ принести художнику основаніе столь об-
щее, обширное, при бесконечно-разнообразномъ
смыслѣ, содержаниемъ въ словѣ: Природа, и когда
почти столько-же на нее точекъ зрѣнія, сколько
сама она имѣетъ сторонъ жизни и способовъ су-
ществованія? Для одного, Вселенная есть мертвая
громада случайныхъ предметовъ, или выѣсталище,
куда предметы сія складены наудачу; для бѣль-
шей части людей она есть только продовольствен-
ная нива: лишь для возвышеннаго духомъ испыта-
теля Природа выражаетъ святую, творящую волю

Всевышняго, которая, пронзая всѣ вещи, поддерживаетъ ихъ дѣятельность. Мысль о подражаніи въ Изящныхъ Искусствахъ заключала - бы значеніе глубокое, если - бы предписывала Искусству — соревновать, подражать этой творящей силѣ; но едва-ли Эстетики XVIII-го вѣка имѣли въ виду что-либо подобное: тогдашнее состояніе наукъ, кажется, убѣждаетъ совершенно въ противномъ. Странно, впрочемъ, что тѣ, кои отрицали жизнь Природы, ставили ее образцомъ для Искусства! Исторія ума не разъ представляла такіа противорѣчія.

Но долженъ-ли подражатель Природы перенимать у ней все безъ разбора, подражать во всемъ и всему? Пѣтъ, скажутъ: художникъ обязанъ избирать только изящные предметы, и, даже въ нихъ, искать лишь изящнаго и возвышеннаго! Не надо, однако, забывать, что въ Природѣ свѣтъ смѣшанъ со тьмою, прекрасное находится рядомъ съ непрекраснымъ. Какимъ способомъ отличить одно отъ другаго, руководствуясь исключительно правиломъ подражанія? Подражатели, обыкновенно, скорѣе и легче схватываютъ недостатки, нежели достоинства своихъ образцовъ: ибо недостатки обозначаются чертами болѣе понятными, рѣзкими. Когда мы обращаемъ вниманіе не на сущность вещей, а на преходящую, брѣнную форму ихъ, тогда и вещи перестаютъ говорить нашей душѣ: мы должны переносить въ нихъ собственные чувства наши, собственный нашъ духъ,

дабы заставить ихъ отвѣчать на наши вопросы. И что такое совершенство, изящество каждой вещи, если не искра всеживящей силы, въ ней заключенная? Никогда не будетъ доступенъ тому, кто почитаетъ Природу бездушнымъ механизмомъ, таинственный, химическому подобный процессъ, посредствомъ коего, будто расплавленное и высвѣтленное огнемъ мысли въ Изящныхъ Искусствахъ, чистое золото истины и красоты отдѣляется отъ всего ложнаго, несовершеннаго.

2.

Глубокія, многостороннія изслѣдованія Винкельмана, поколебавшія прежнія мнѣнія Эстетическія, мало измѣнили общее направленіе господствовавшей тогда теоріи, которая полагала главною и единственною цѣлю для художествъ слѣное подражаніе Природѣ. Живо тронутый красотою формъ въ памятникахъ Древняго ваянія, Винкельманъ утверждалъ, что созданіе идеальной, надъ дѣйствительностію возвышенной Природы, составляетъ послѣднюю мѣту художествъ изящно-образовательныхъ, мѣту, уже достигнутую Древними ваятелями Греціи. Сказанное здѣсь объ Искусствахъ, дѣйствующихъ на зрѣніе, относится также къ музыкѣ, и, особенно, къ Словесности.

3.

Если рассмотримъ: въ какомъ значеніи болѣею частію было понимаемо это превосходство